

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Пономарев

**Родное слово в наших
духовно-учебных заведениях:
наблюдения и заметки**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1903. № 1. С. 126-135.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

РОДНОЕ СЛОВО

ВЪ НАШИХЪ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

(Наблюденія и замѣтки).

ГВѢТСКАЯ школа у насъ, въ настоящій моментъ, готовится къ полному обновленію во всѣхъ отношеніяхъ— и въ учебно-образовательномъ, и въ воспитательномъ. Работаютъ коммисіи и комитеты, составляются многочисленные проекты и рефераты, пишутъ и печатаютъ десятки сотни статей, посвященныхъ разсмотрѣнію и обсужденію разныхъ сторонъ этого большого, важнаго и неотложно нужнаго дѣла... Наша духовная школа, по особымъ условіямъ ея положенія и назначенія, повидимому, остается въ сторонѣ отъ этого преобразовательно-школьнаго движенія, столь живо и сильно волнующаго русское общество и печать: можетъ быть, для нея пока выжидаютъ, что будетъ сдѣлано и принято вѣдомствомъ министерства Народнаго Просвѣщенія, въ виду, до извѣстной степени, общности дѣла? Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что и наши духовно-учебныя заведенія нуждаются, если не въ полномъ преобразованіи, то въ значительномъ измѣненіи и обновленіи всего учебно-воспитательнаго строя ихъ, какъ это признается и духовно-учебнымъ вѣдомствомъ, въ которомъ, насколько извѣстно, начать уже пересмотръ училищныхъ и семинарскихъ программъ.

При такомъ положеніи этого вопроса, духовная печать, какъ намъ кажется, не должна безучастно относиться къ его развитію и рѣшенію. Въ дѣлѣ устройства или переустройства духовной школы она болѣе, чѣмъ кто либо, можетъ быть компетентнымъ судьей и дѣятельнымъ сотрудникомъ, указывая и разъясняя разныя стороны его, подавая совѣты, собирая и освѣ-

щая нужный материал и т. под. Въ виду этого, и мы беремъ на себя смѣлость подѣлиться съ читателями своими наблюдениями и замѣчаніями относительно одного изъ важныхъ предметовъ школьнаго образованія — изученія русскаго языка и словесности, въ надеждѣ, что наши замѣчанія могутъ имѣть свое значеніе. Мы укажемъ то, что есть и что нужно и желательно по этому предмету...

1. Требуется, прежде всего, основательно выяснитъ, прочно установить и признать разъ навсегда, что въ низшей и средней школахъ (въ данномъ случаѣ, въ духовныхъ училищахъ — мужскомъ и женскомъ и въ духовныхъ семинаріяхъ) *родной языкъ*. *родное слово* (въ общемъ и широкомъ культурно-образовательномъ и народно-воспитательномъ значеніи), кромѣ Закона Божія (а въ семинаріяхъ — наукъ богословскихъ и философскихъ) — самый главный и основной предметъ, изученіе котораго должно быть невозможно всесторонне обдуманно и строго систематически проведено по всѣмъ ступенямъ школьнаго преподаванія, въ строгомъ соотвѣтствіи значенію этого предмета и основнымъ задачамъ воспитанія и образованія. Что «родное слово» должно быть главнымъ и основнымъ предметомъ въ школьномъ образованіи, на Западѣ это признано и признается еще со времени знаменитаго Гумбольдта, у насъ же съ выходомъ въ свѣтъ грамматическихъ и историко-литературныхъ трудовъ Буслаева и учениковъ его школы. Тѣмъ не менѣе, задачи и цѣли изученія роднаго языка (русской грамматики, исторіи литературы и теоріи словесности) въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно же духовныхъ, остаются не достаточно выяснены и опредѣлены: имѣется ли въ виду, при этомъ изученіи, дать питомцамъ нашихъ духовныхъ школъ только грамматически-литературныя знанія, въ доступномъ для нихъ объемѣ, или преслѣдуются и болѣе широкія, болѣе важныя и существенныя цѣли — дать имъ опредѣленное, нужное для нихъ, литературное образованіе и художественно-эстетическое развитіе и воспитаніе?... По существующимъ программамъ этихъ предметовъ и учебникамъ все сводится къ простой *литературной грамотности* — къ истолкованію и объясненіямъ грамматическихъ категорій, къ заучиванію литературно-техническихъ терминовъ, къ запоминанію разныхъ именъ и названій, а практика дѣйствительности показываетъ, что все это ведетъ и приводитъ почти что къ полной *безграмотности*, примѣры которой, въ продолженіи ужь нѣсколькихъ лѣтъ, ежегодно съ

неотразимымъ краснорѣчіемъ статистики, приводились и приводятся на страницахъ академическихъ протоколовъ относительно грамматическихъ и литературныхъ познаній воспитанниковъ семинарій, поступающихъ въ академіи. Я съ своей стороны могу свидѣтельствовать объ этомъ и по семестровымъ сочиненіямъ студентовъ нашей академіи, которыхъ за послѣдніе годы мнѣ пришлось перечитать свыше шести сотъ, могу также сослаться и на тотъ фактъ, что въ совѣтѣ нашей же академіи было спеціальное разсужденіе о томъ, что литературная безграмотность теперешнихъ семинаристовъ поразительна, и — что предпринять противъ нея?—Но академіи безсильны что-либо сдѣлать для ея ослабленія, тѣмъ болѣе—уничтоженія, такъ какъ это дѣло не академіи, а низшей и средней школы. Правда, программы, объяснительныя записки къ нимъ и циркуляры духовно-учебнаго комитета всячески стараются водворить литературную грамотность въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и, для достиженія этого, предупредительно и внушительно предписываютъ преподавателямъ русскаго языка и словесности читать, заучивать и дѣлать какъ можно больше разборовъ образцовыхъ произведеній литературы, что несомнѣнно и дѣлается; но педагогически-правильное веденіе подобныхъ разборовъ такая трудная вещь, что только немногіе изъ наиболѣе даровитыхъ, литературно-образованныхъ въ достаточной степени и опытныхъ преподавателей въ состояніи справиться съ ними, при неумѣломъ же веденіи ихъ можетъ получиться не польза, а положительный вредъ: заученное и неумѣло разобранное, незаконченное, съ перенесеніемъ съ урока на урокъ,—и самое превосходное литературно-художественное произведеніе навсегда потеряетъ для воспитанниковъ всякую цѣну. И, такимъ образомъ, отъ подобныхъ разборовъ пропадетъ лишь даромъ время, положительно обезцѣниваются многія высоко-художественныя произведенія литературы, развивается въ воспитанникахъ тупость и безразличіе къ своимъ роднымъ и чужимъ образцовымъ произведеніямъ словеснаго творчества и вообще убивается всякій интересъ къ чтенію ихъ. Не въ этомъ ли, между прочимъ, заключается и одна изъ причинъ упадка въ воспитанникахъ охоты къ чтенію книгъ,—явленіе, столь замѣтное въ послѣднее время и столь печальное, потому что имъ объясняется и недостатокъ не только литературнаго образованія среди нихъ, но и общаго развитія?.. Хорошо помню я старую до-реформенную, еще «бурсацкую» семинарію 60-хъ

и 70-х годовъ прошлаго вѣка: какъ много читали тогда семинаристы, не смотря на то, что книги можно было доставать съ великимъ трудомъ, и какія большія сочиненія—изслѣдованія писали они, особенно въ философскомъ и богословскомъ классахъ,—а теперь?! Теперь, по общему отзыву, охота къ чтенію книгъ у семинаристовъ почти не существуетъ и даже не поощряется: заучиваніе уроковъ по учебникамъ для постановки и полученія балловъ—вотъ и все, къ чему сводится ихъ общелитературное образованіе. А судите сами, какое это великое несчастіе—уходить изъ школы не полюбивши книгу, не зная и не имѣя въ великихъ писателяхъ близкихъ друзей и руководителей? Этимъ вѣдь навсегда закрывается путь къ дальнѣйшему развитію и самообразованію человѣка, когда онъ уже самостоятельно вступить въ жизнь и изберетъ себѣ такое или иное общественное положеніе. И вотъ, тогда какъ за границей, у католическихъ цензоровъ и протестантскихъ настояровъ, всегда обязательно имѣются собственныя небольшія библіотеки избранныхъ и любимыхъ писателей, своихъ и иностранныхъ, и по мѣрѣ возможности пополняются новыми и новыми книгами,— у нашихъ, городскихъ даже батюшекъ, не говоря уже о сельскихъ, такихъ библіотекъ совсѣмъ нѣтъ и не видно даже и заботы обзаводиться ими! Да и откуда явилась бы охота къ этому, если все литературное образованіе въ школѣ ограничивалось лишь ненавистными учебниками и немногими страницами нѣсколькихъ сухихъ книгъ, по приказу взятыхъ для отбытія повинности ученическаго писательства, не представлявшаго также никакого интереса?!.. Изученіе «родного слова» въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ должно быть такъ поставлено и такъ вестись, чтобы имъ достигалось не только грамматически-стилистическое умѣнье правильно говорить и излагать мысли письменно (чего, однако же, все-таки не достигается), но и въ прямомъ направленіи къ приобрѣтенію литературно-художественнаго образованія и эстетическаго развитія. Какой же другой изъ свѣтскихъ предметовъ, кромѣ словесности, имѣеть и можетъ имѣть въ виду прямо и непосредственно художественно-эстетическое развитіе человѣка, столь нужное и важное, особенно для воспитанниковъ духовной школы? Между тѣмъ, существующая постановка ея въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не достигаетъ даже цѣлей грамматически-риторическаго образованія, потому что, оставаясь, въ сущности, на старой схоластически-средневѣковой основѣ, она — эта род-

ная школьная «словесность» представляет изъ себя отталкивающую мертвечину, при наличности которой—ни родной языкъ, какъ живой организмъ, ни художественныя созданія родного слова образовательно-воспитательнаго значенія имѣть не могутъ. А что это такъ, увидимъ изъ дальнѣйшаго.

2. Преподаваніе русскаго языка въ мужскихъ училищахъ, а словесности и исторіи русскоѣ литературы въ семинаріи и въ женскихъ духовныхъ училищахъ должно находиться въ соотвѣтствіи относительно распредѣленія учебнаго матеріала по соприкосновеннымъ съ ними предметамъ. Въ настоящее время такого соотвѣтствія нѣтъ и получаютъ страшныя несообразности въ педагогическомъ отношеніи: въ мужскихъ духовныхъ училищахъ воспитанники, пройдя первый классъ, разомъ начинаютъ изучать четыре языка и четыре грамматики, въ томъ числѣ русскую и церковно-славянскую, одновременно, каждую, однако, совершенно особо и независимо, и происходитъ совершенная пытка для дѣтей, при чемъ преподаватели ведутъ свое дѣло такъ, какъ будто напр. для преподавателя греческаго языка безразлично—обладаютъ ли воспитанники достаточными свѣдѣніями по русскому языку, чтобы дѣлать переводы съ греческаго на русскій и наоборотъ, а преподаватель русскаго языка и знать не знаетъ съ какими грамматическими формами знакомы уже или незнакомы его воспитанники по другимъ, изучаемымъ ими языкамъ. Еще страннѣе положеніе преподавателя словесности и русскоѣ литературы: ему постоянно, съ первыхъ же уроковъ, приходится имѣть дѣло съ такими вопросами, предметами и фактами, для которыхъ нужныя свѣдѣнія воспитанники или воспитанницы получаютъ изъ соотвѣтствующихъ наукъ еще только въ концѣ года, или же черезъ годъ и два. Эта печальная несообразность въ распредѣленіи курса соприкосновенныхъ предметовъ до такой степени очевидна, что не требуютъ никакія доказательства, а устранить ее возможно лишь при общемъ пересмотрѣ всѣхъ программъ. Любопытно, при этомъ, наблюденіе, что изучая одновременно древніе классическіе языки и русскій съ церковно-славянскимъ, воспитанники не только не знаютъ, что всѣ эти языки родственны между собою и потому имѣютъ много общаго и сходнаго, но не знаютъ даже, что русскій и церковно-славянскій собственно одинъ языкъ, не знаютъ, даже по выходѣ изъ семинаріи, въ какихъ отношеніяхъ русскій языкъ находится къ новому церковно-славянскому, а этотъ послѣдній къ древне-русскому и

къ древне-славянскому: это показываетъ, что даже и русскій языкъ изучается какъ чужой и мертвый, а не какъ живой и свой родной языкъ.

3. По новымъ программамъ женскихъ епархіальныхъ училищъ (шести-классныхъ) на теорію словесности назначено всего только *три* часа въ недѣлю и *три* часа для исторіи русской литературы, между тѣмъ, курсъ того и другого предметовъ остался почти тотъ же, что и по прежнимъ программамъ, когда было 9 недѣльныхъ уроковъ, а для V онъ еще и увеличенъ. Такъ, въ этомъ классѣ, при трехъ урокахъ, нужно пройти: періоды (при прежней программѣ это проходило въ IV классѣ), учене о слогѣ и сочиненіи, теорію прозы и поэзіи, во всѣхъ подраздѣленіяхъ той и другой на роды и виды, съ указаніемъ и нѣкоторымъ знакомствомъ съ образцовыми произведеніями всемірной и русской литературы: Гомеръ, Данте, Тассо, Шекспиръ и Сервантесъ, весь народный русскій эпосъ, и сколько другихъ иностранныхъ и русскихъ писателей, съ ихъ произведеніями, должны быть указаны, прочитаны въ отрывкахъ по хрестоматіямъ, разбираемы и изучаемы! По прежнимъ программамъ, все это проходило въ теченіи *двухъ* лѣтъ, по три недѣльныхъ урока въ каждомъ, и я, на основаніи своего болѣе чѣмъ двадцати-пятилѣтняго опыта преподаванія въ женскомъ духовномъ училищѣ, долженъ со всею рѣшительностію заявить, что и тогда, въ продолженіи двухъ лѣтъ, прохожденіе полного курса, даже съ неизбѣжными и возможными выпусками, почти никогда не удавалось доводить до конца съ одинаковой полнотой, при томъ сравнительно минимальномъ умственномъ развитіи воспитанницъ, какимъ обыкновенно они обладаютъ въ IV и V классахъ. А теперь, при трехъ урокахъ, сдѣлать это и тѣмъ болѣе—положительно невозможно. Курсъ исторіи русской литературы и по прежнимъ программамъ проходилъ въ три урока; но тогда не было надобности незаконченное въ V классѣ оканчивать въ VI, а теперь это, волей-неволей, приходится дѣлать, отнимая время отъ уроковъ по исторіи русской литературы, курсъ которой, и по новой программѣ, также очень обширный. Слѣдовательно, и вопросъ объ объемѣ уроковъ по русскому языку и словесности, а равно и о количествѣ часовъ для нихъ, по крайней мѣрѣ, для женскихъ духовныхъ училищъ, требуетъ пересмотра. Вообще, по новымъ программамъ этихъ училищъ для русскаго языка съ церковно-славянскимъ уроковъ оказалось больше, по словесности же

меньше, чѣмъ сколько нужно, и требуется соответственными программами.

4. Что касается самыхъ программъ, то собственно всякая программа можетъ быть хорошей и плохой; все зависитъ отъ преподавателя,—знающій и опытный преподаватель съумѣетъ справиться со всѣми трудностями и недочетами программы. Но желательно бы имѣть одну общую для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній программу русскаго (правильнѣе было бы называть—«родного») языка и словесности, съ предоставленіемъ преподавателямъ полного права измѣнять, дополнять или сокращать ее, сообразуясь съ условіями прохожденія курса и составомъ воспитанниковъ или воспитанницъ того или другого класса. Последнее важно потому, что иногда бываетъ такой составъ, положимъ, воспитанницъ въ классѣ, что можно пройти въ назначенный срокъ какую угодно обширную программу, но бываетъ и такой неудачный, когда обязательно требуется большее или меньшее сокращеніе программы курса.

Говоря о программахъ, нельзя не отмѣтить одинъ коренной и, по моему мнѣнію, самый «гибельный» недостатокъ всѣхъ программъ по словесности, принятыхъ въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ—именно тотъ, что старое, схоластически-риторическое изученіе этого высоко-образовательнаго предмета, навсегда отвергнутое и осужденное наукой, — онѣ вводятъ въ рамки научнаго построенія и выдаютъ за особую научную дисциплину. Такъ называемая «теорія словесности», въ томъ видѣ, въ какомъ она преподается у насъ, есть не что иное, какъ сборникъ разнородныхъ свѣдѣній, часть которыхъ съ удобствомъ и пользою можетъ быть отнесена къ грамматическому курсу изученія роднаго языка (какъ напр. стилистика и построеніе сочиненій), послуживъ для него (этого изученія) прямымъ и естественнымъ довершеніемъ, часть же, съ одинаковымъ удобствомъ, можетъ быть перенесена въ курсы исторіи литературы, изъ которыхъ эти свѣдѣнія собственно и заимствуются и гдѣ они какъ разъ будутъ на своемъ мѣстѣ (таковы всѣ свѣдѣнія о родахъ и видахъ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій). Очевидно, поэтому, что теорія словесности, какъ особый предметъ школьнаго изученія, не имѣетъ никакихъ правъ на существованіе и представляетъ изъ себя ненужный исторически-педагогическій анахронизмъ. Мѣсто, занимаемое ею въ ряду другихъ школьныхъ дисциплинъ, должно быть передано другой, новой и дѣйствительно достаточно уже опредѣлившейся наукѣ—

теоріи или філософіи искусства (иначе—эстетики), въ основныхъ начаткахъ, доступныхъ для изученія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Эта послѣдняя, излагая свой предметъ, можетъ широко воспользоваться, для наглядности преподаванія, не только данными художественной литературы, но и произведениями другихъ искусствъ, имѣя въ виду дѣйствовать, главнымъ образомъ, на развитіе художественно-эстетическое образованія и воспитанія. Польза отъ этого будетъ уже неизмѣрима больше, чѣмъ какую можно ожидать отъ заучиванія, по рубрикамъ и подраздѣленіямъ, голословныхъ описательныхъ опредѣленій оды, элегии и пр., и проч., какія въ видѣ сухихъ рецептовъ даются на страницахъ принятыхъ у насъ учебниковъ по теоріи словесности.

5. Преподаватели по русскому языку и словесности обязательно должны имѣть нѣкоторую специальную подготовку (насколько это возможно и въ академіяхъ на словесной группѣ), быть до извѣстной степени научно знакомыми съ основными началами славяно-русской филологіи, съ исторіей русской и иностранныхъ литературъ и съ теоріей словесности, въ связи съ теоріей и філософіей искусства (каковыя науки преподаются въ академіяхъ на этой только группѣ). До послѣдняго времени, однако, были случаи, что, безразлично, и студенты исторической группы, не изучавшіе названныхъ предметовъ, попадали въ преподаватели русскаго языка и словесности (въ настоящее время, это, кажется, не допускается), и—получались преподаватели, которые могли имѣть лишь самыя скудныя, нулевыя познанія по этимъ предметамъ, какія когда-то были вынесены ими изъ училищъ и семинарій. Отъ такихъ преподавателей, конечно, немного можно ожидать: обыкновенно, они сами долбить учебникъ и дальше его никуда не могутъ двинуться, долбить вслѣдъ за ними и воспитанники, получая въ награду за эту пустую и тяжелую работу—первые свое жалованье, а вторые—обязательныя и столь нерѣдкія единицы и двойки, какъ побужденіе и поощреніе къ усердному приобрѣтенію грамотности. Но если ненормальность этого явленія теперь уже устранена, то во всякомъ случаѣ отъ подготовки и способностей преподавателей зависитъ дать изученію названныхъ и столь важныхъ предметовъ болѣе или менѣе надлежащую постановку, недопускающую, чтобы изучавшіе ихъ, къ стыду школы, выходили «безграмотными». Поэтому, желательно, чтобы выборъ и назначеніе преподавателей для этихъ предметовъ, по возможности, не былъ случайнымъ.

6. Большое мѣсто нашей школьной педагогикѣ, это — учебники: ихъ или совсѣмъ нѣтъ, по нѣкоторымъ предметамъ, или они такъ плохи, что ими и пользоваться нельзя. По русскому языку и по словесности существуетъ много учебниковъ, гораздо больше, чѣмъ по какому-нибудь другому предмету, по болѣе или менѣе удовлетворительныхъ между ними, не только въ отношеніи педагогически-дидактическомъ, но и въ научномъ, трудно указать... Одна отличительная черта ихъ и самая характерная: составители ихъ, въ большинствѣ, списываютъ одинъ съ другого, перефразируютъ, переставляютъ слова, параграфы и фразы, и т. под. Въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось учебнику по словесности Филонова: самъ онъ все существенное и болѣе цѣнное взялъ изъ риторикѣ Ломоносова и пѣтическаго словаря Остолопова (начала 20-хъ годовъ прошлаго вѣка), а послѣдующіе составители учебниковъ сдѣлали его палладіумомъ всѣхъ своихъ познаній и не стѣсняясь обираютъ его со всѣхъ сторонъ. Такую же судьбу по исторіи русской литературы имѣли книги Галахова и Порфирьева: ихъ также усердно списываютъ составители учебниковъ, не обращая никакого вниманія на то, что и въ свое время книги эти были не совсѣмъ удовлетворительны въ историко-литературномъ и научно-критическомъ отношеніяхъ, а теперь и тѣмъ болѣе не могутъ претендовать на значеніе научныхъ трудовъ. — Хрестоматіи и сборники для чтенія и разборовъ по словесности и русскому языку также нуждаются въ основательномъ пересмотрѣ, въ доказательство чего укажу хотя бы на одинъ слѣдующій недостатокъ ихъ: въ послѣдніе годы появилось много новыхъ хорошихъ переводовъ на русскій языкъ изъ иностранныхъ классиковъ (Гомера, Виргилія, Данте, Шекспира, Гёте и др.), а въ нашихъ школьныхъ хрестоматіяхъ продолжаютъ сообщаться старые переводы, плохіе, далекіе отъ подлинника, иногда совсѣмъ невозможные.

7. Правильная постановка и веденіе письменныхъ упражненій (сочиненій) по русскому языку и словесности — дѣло въ высшей степени важное и трудное, но оно требуетъ особаго разсмотрѣнія, въ связи съ вопросомъ о внѣклассномъ чтеніи книгъ и о литературныхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ.

Въ заключеніе, не могу не выразить своего глубокаго убѣжденія, что теперь же настоятельно необходимо всесторонне обсудить вопросъ о постановкѣ вообще изученія роднаго языка и словесности въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, во всей его широтѣ и полнотѣ, обсудить при участіи профессоровъ-спеціалистовъ и опытныхъ преподавателей семинарій и духовныхъ училищъ; однимъ измѣненіемъ программъ и учебниковъ ничего не достигнуть, и такъ какъ духовно-учебный комитетъ сдѣлалъ уже опытъ подобнаго обсужденія нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ семинарскаго курса, то можно надѣяться, что онъ допуститъ то же самое и для роднаго языка и словесности, а еще лучше—и вообще для всѣхъ предметовъ нашей духовной школы.

Профессоръ А. Пономаревъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки